

ВСТРЕЧА БОГАТЫРЯ С ПРОТИВНИКОМ: МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ СОПЕРНИКОВ В АЛТАЙСКОМ И БУРЯТСКОМ ЭПОСЕ

Персонажи сибирского героического эпоса традиционно делятся учеными на две группы: положительных и отрицательных. Критерий такого разделения – отношение к родной земле и народу. Центральным положительным персонажем эпоса является богатырь, который представляет собой объект для подражания, воплощает в себе чаяния коллектива. Другие положительные действующие лица – это представители ближайшего окружения главного героя (его родители, сестра, невеста/жена, конь) или те, кто стали его побратимами в процессе совершения подвигов – богатыри и зооморфные персонажи.

Цель нашего доклада – определить модели поведения персонажей-соперников в героических сказаниях алтайцев и бурят. Под моделью поведения будем понимать целостный комплекс знаков (речевых и поведенческих), направленных на создание некоторого образа.

Поступки и реплики персонажей в героических повествованиях в художественной форме реализуют народные ожидания правильного или надлежащего поведения, обеспечивающего сохранение и воспроизводство образца – социальной нормы, которая, в свою очередь, является воплощением духовных ценностей народа [3, с. 342]. Таким образом, выявив модели поведения, мы сможем проследить традиционные ценности народа, те духовные детерминанты деятельности людей (представления, потребности, идеалы, установки, стереотипы), которые нашли отражение в фольклоре. Помня о том, что эпос – это не зеркальное отражение действительности, заметим, что ценностные ориентации, проявленные в героических сказаниях, являются квинтэссенцией этической мысли народа традиционного общества. «...богатыри...наделены самыми высокими

этическими и нравственными качествами – потому и находятся в центре изображения того эпического мира, в котором живут и действуют» [8, с. 27].

Говоря о ценностях, нужно подчеркнуть, что и в алтайских, и в бурятских текстах богатырь всегда стремится к мирной счастливой жизни, а на войну отправляется вынужденно, так как над его родной землей и родом нависла угроза разорения. Призвание богатыря – бескорыстная и самоотверженная защита родного края и народа. Приведем пример. *«Дайни газар юүндэ һургажи хэлэбэтэ?! // Дайдайн сагаан һургаараар // Һургахая яабабта?! (Зачем вы меня на войну настраиваете? // Почему не наставите на доброе, мирное дело?)»*, – говорит бурятский богатырь Аламжи Мэргэн своим дядьям, подстрекающим его на войну [2, стк. 660]. Еще пример из алтайского эпоса «Очи-Бала»: *«Јуулап келгенди пожотпойтон, // Јууга пойы парбайтан. // Чактап келгенди јандырбайтан, // Чакка пойы парбайтан. // Киши ле канын ол төгүн, // Кинчектү керек этпеген, // Јууга-чакка пу парып, // Түбектү керек көрбөгөн. ([Того, кто] с войной приходил, не выпускали, // Сами воевать не выезжали. // [Того, кто] разорять [их земли] приходил, не отпускали, // Сами разорять не отправлялись. // Кровь человека пролить - // [Такого] согрешения не позволяли [себе], // Чтобы воевать-разорять - // Такой беды не приносили [другим])»* [9, стк. 135-140].

Список противников богатыря в эпосоведении представлен достаточно полно. Следуя логике развития образных средств сказаний, исследователи выделяют более архаичных зооморфных персонажей, затем – зооантропоморфных и далее – антропоморфных. Если в бурятском эпосе (особенно в эхирит-булагатской традиции) основные враги героя – многоголовые чудовища мангадхаи и лишь в традициях более позднего формирования появляются враги в человеческом облике, то в алтайских сказаниях основные противники богатыря – иноземные ханы-захватчики. Хотя, надо заметить, что в образе ханов кое-где сохраняются мифологические черты (связь с подземным миром и Эрликом, гиперболизированная прозорливость и кровожадность), однако их

выявление не является нашей целью. В качестве объекта для сравнения мы возьмем схожие эпизоды бурятского и алтайского эпоса, например, эпизод встречи главного героя с ханом-захватчиком. Сосредоточимся на трех аспектах встречи: действенном (что делают персонажи), речевом (о чем говорят), психологическом (как описываются чувства и состояния персонажей). Это наиболее существенные показатели взаимоотношений членов коллектива, которые и характеризуют поведение персонажей.

Действенный аспект

Как отметила исследователь бурятского эпоса Н.Н. Николаева, «в показе персонажей сказители прибегают к нескольким приемам: к портрету, речевой характеристике, авторским описаниям, но не всегда в одинаковой степени. ...Основной характеристикой персонажа являются его поступки и действия» [8, с. 93]. Частый рассказ об одних и тех же подвигах богатыря породил типизацию их описания, обусловил появление «общих» мест, устойчивых элементов структуры сказаний. Встреча богатыря с ханом-захватчиком представлена в «Указателе типических мест героического эпоса народов Сибири» [6] в разделе П.А.14. «Борьба (сражение)». Анализ нашего материала показал наличие в структуре эпизода всех выявленных Е.Н. Кузьминой типических мест: «б) вызов на бой, условия борьбы», «в) начало борьбы (перебранка перед боем)», «г) натягивание богатырского лука», «е) полет стрелы», «д) заклинание стрелы (другого оружия)», «ж) «анатомия» борьбы», «з) равновесие сил», «и) физическое состояние богатырей во время боя», «к) длительность боя», «л) место и способ хранения жизненной силы», «м) последствия борьбы: влияние на окружающую среду, накал борьбы», а также «П.А.15.Победа богатыря (богатырки)», «П.А.16.Расправа с противниками (способы уничтожения, укрощения, наказания)», «П.А.19.Обретение истинного облика, воскрешение, исцеление, очищение».

Поступки персонажей бурятских и алтайских сказаний разнятся между. Во-первых, у алтайцев начало боя маркируется особым криком главного героя, который редко встречается у героя бурятского эпоса (тут имеется в

виду именно крик богатыря, а не его противника): *«Ачу-корон ол кыйгырып ийет, // Ама-томо сыгырып ийет (Гневно-злобно вскричал, // Клекот-свист испустил)»* [4, стк. 1165]. Составители тома академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» отмечают, что смысл этих постоянных в алтайских сказаниях фраз не до конца прояснен. «Возможно, это устрашающие двухголосные возгласы, будто идущие «из чрева». И вместе с тем ама-томо может быть игрой слов от ам – «рот». (монг.)» [4, с. 596].

Во-вторых, у алтайцев представлен иной вид одоления врага: связывание противника его же сухожилиями. После неудачных попыток героя связать соперника железными и чугунными путами, по совету коня, богатырь вытягивает жилы из тела врага и связывает его ими. У алтайцев иные представления и о смерти: труп врага не обязательно сжигать, его достаточно просто закопать, отправив тем самым в подземный мир мертвых. В эхирит-булагатской традиции бурят противника необходимо сжечь, чтобы он не возродился вновь. Однако в унгинской и хоринской традициях бурятский богатырь может просто закопать ханов-захватчиков. Кроме того, как способ одоления врага в алтайском эпосе «Очи-Бала» представлена сложная цепь обманных приемов (оборотничество богатырки служанкой, имитация поведения преданной слуги и помощницы, мастерски оформленное спаивание хана и его домашних, подмена оружия врага ветошью), в бурятских улигерах часто герой использует один-два простых обманных приема (отвлечение внимания, выдавание себя за другого, передача ложной информации).

В-третьих, у алтайцев представлен мотив пощады родственников противника и его народа. *«Кадыттарды өлтүрүп, // Каан адым чыгар эмес. // Эмеендерди өлтүрүп, // Эр адым чыгар эмес. // Слерди мен өлтүрүп кайдайын? ([Вас], госпожей, убив, // Имя свое, каана, не возвышу, // Женщин убив, // Имя свое, мужа, не прослаблю. // К чему мне вас убивать?)»* [4, стк. 1350]. И последние два замечания. Момент исцеления богатыря и у

бурят, и у алтайцев связан с водой и травой, однако у алтайцев герой чаще окунается в реку, у бурят же – пьет родниковую воду. После победы над врагом герой улигера совершает ритуал бариса, создает стоянку на этом месте для подношений. Алтайский богатырь таких действий не производит.

Речевой аспект

Тематика реплик алтайских и бурятских персонажей однотипна. Обязательными темами являются договор о способе борьбы, выяснение имени соперника, озвучивание цели приезда персонажа. Антагонист угрожает богатырю пленением его самого и подданного ему народа, разорением его хозяйства, укоряет его в убийстве своих воинов, указывает о прибытии на поле боя большого войска. Главные герои алтайских и бурятских сказаний указывают на несправедливость поступков врага, на его кровожадность, сравнивают ценность жизни своей/коня/народа с ценностью жизни ханов и их воинов, предупреждают о готовности биться до конца за спасение своей земли и народа.

Есть два отличных момента в репликах богатырей. Герой алтайского эпоса в своей речи подчеркивает, что он не по своей воле вступает в бой и на самом деле не хочет кровопролития, однако он вынужден отомстить противнику, чтобы вернуть мир на родную землю: *«Чакка пойым парбайтам, // Чагынды мен тўжүр перейин, // Чактап келгенди ийбейтем... ([Хоть] разорять я не отправляюсь, // Тебе разорение устрою, // [Того], кто разорять пришел, не выпускаю...)*» [9, стк. 710].

Отличием бурятской традиции является эпическая формула *«Ехэ даие дарааб гэжэ // Ехэ мангал мангахагүй юмэ л, // Ехэ хүүе дарааб гэжэ // Тархиен алхаха гүй юмэ-л. (Не следует [мне] похваляться, // Что врага подавил могучего. // Победив великого мужа, // Через голову его не перешагивают!)»* [1, стк. 3515], которую богатырь озвучивает в финале боя.

Психологический аспект

Известно, что эпическое повествование небогато изображениями чувств персонажей в силу природы жанра, однако некоторые эмоции, такие

как гнев, испуг, растерянность, волнение, все же представлены достаточно для формирования раздела «П.А.11. Психологическое состояние» «Указателя типических мест героического эпоса народов Сибири» [6]. Узнать о душевном состоянии персонажей в эпизоде сражения мы можем из их реплик, которые принимают вид устоявшихся выражений, эпических формул. Так, получив весть о нашествии врага, герой и бурятских, и алтайских сказаний приходит в ярость, причем изменение состояния отражается на лице персонажа. Признаки гнева проявляются у бурятского богатыря чаще всего на волосах и зубах: *«Тэрэ хубүүд // Оройёо үһэ // Орболзуулжа уурлана, // Оошоёо шүдэйе // Хабиргажа уурлана (Те парни // Свои волосы на макушке // Взъерошив, сердятся. // Своими зубами во рту // Скрипят - сердятся)»* [7, с. 50]. У алтайского героя меняется дыхание, глаза, цвет лица. Богатырь настолько разъярен, что сказитель сравнивает его облик с ликом Эрлика – владыкой подземного мира: *«Жажыл-күрен чырайы тўжип, // Тезин кара тартыла перет. // Тынган тыныш // Сырлу салкын согула перет. // Көргөн көзи // Көрнөё-калап кайнай перет. // Жарык чырайы оно перет, // Жаман чырайы кире перет. // Эр чырайы оно перет, // Эрлик чырайы кирип келет. // Ачынбас пойы ачына перет, // Аткайбас пойы аткайа перет (Румяное лицо его побледнело, // Черной тенью покрылось. // Вдох и выдох // Свистящим ветром забились. // Глядящие глаза его // Сплошным пламенем запылали. // Светлое лицо его потемнело, // Недобрый лик проступает. // Ясное лицо его исчезло, // Лик Эрлика [богатырь] принимает. // Не сердившийся – рассердился, // Не ругавшийся – заругался)»* [4, доп. к стк. 813].

Перед боем или после неудачой попытки убить врага герои алтайского и бурятского эпоса могут испытывать смятение, они не знают, что делать дальше: *«Мыны јенгер паатыр-киши // Пу алтайда јок полгоны пу јарталды. // «Эмди ле ползо канайдар?» - Эбин таппай тургулайт. (Его одолеть богатыря-человека // На этом алтае нет – стало ясно. // «Как же быть?» - [конь и богатырка] // Выхода не находили)»* [9, стк. 1963]. Душевная борьба,

изгнание сомнений, выраженные хотя и в виде шаблона, дополняют облик богатыря, представляют его аудитории не просто как невозмутимого воина, но как живого героя, вынужденного каждый раз бороться со своим страхом перед могучим и страшным врагом.

Всегда после временного смятения чувств герои собирают свою волю в кулак, возвращают себе боевой настрой: *«Ат тискинин пуура тартар // Жан пар эмес, канайдатан, // Не де ползо, ол полгой, // Парып ийдем көрөдим (Назад возвращаться - // Такого обычая нет, // Будь что будет, // Поеду, мощь свою испытаю...)»* [9, стк. 1970]. Это так называемая формула решимости демонстрирует как кратковременную нерешительность героя, так и последующую готовность на подвиг. Воодушевление во время битвы доводит алтайского богатыря до состояния опьянения от боя, до потери рассудка. Герой не замечает окончания схватки: уже одолев всех врагов, он продолжает сражаться с деревьями и утесами. Формула решимости бурят выглядит иначе: *«Эзы хүн эсхэхэндээ // Эрэ хүн зориһондоо» (Женщина [стремится] к скроенному // Мужчина – к своей цели)* [7, с. 48].

О психологическом состоянии врага мы имеем меньше данных. Часто и в бурятском, и в алтайском эпосе сказитель говорит о бахвальстве противников, о трусости врагов (кааны сами себя убили, испугавшись Кан-Алтына), о страдании в финале сражения, когда поверженный враг от боли ржет жеребенком, каркает вороном, кричит козленком.

Итак, психологическое состояние главного героя бурятских и алтайских сказаний практически одинаково. Услышав о набеге хана, богатырь приходит в ярость, столкнувшись с сильным противником, испытывает временное смятение, но потом всегда воодушевляет себя на бой, возвращает себе душевную твердость и стойкость. У хана модель поведения иная: перед боем он уверен в своей победе, хвастлив и грозен, а в финале оказывается трусливым, жалким и беспомощным.

Подведем итоги. Основная ценность, декларируемая в алтайском и бурятском эпосе, – мирная жизнь. Но в сказаниях бурят достойны жизни

только представители своего рода, а весь род хана-завоевателя должен быть уничтожен. Эта категорическая оппозиция «свой-чужой» присуща древнему народному сознанию и ярко выражена в наиболее архаичном сибирском эпосе – бурятском. В алтайских сказаниях желание мира преодолевает узкородовую оппозицию «свой-чужой»: антиномия «зло-добро» не приравнивается к антиномии «свой-чужой». Например, супруги каанов-прожор отговаривали мужей от набега, считая это несправедливым поступком [4], а старшая сестра Очи-Бала, наоборот, добровольно хотела пойти в плен к захватчику и даже упрекала сестру-богатырку в нежелании покориться хану [9]. Алтайские сказания показывают, что зло может воплощаться только в хане-захватчике, а не во всем его роде. Именно поэтому богатырь алтайского эпоса щадит жен, детей и подданный народ противника. Таким образом, модель поведения главного героя алтайских сказаний демонстрирует не сугубо родовое сознание алтайского народа, но реализует ценность мирной жизни вообще независимо от этнической принадлежности персонажа.

Источники и литература

1. Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. М.,1995. 526 с. – (Эпос народов Евразии).
2. Бурятский героический эпос. Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон. Новосибирск, 1991. 312 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
3. Губман Б.Л. Ценности // Культурология. XX век. Энциклопедия. — СПб.: Унив. кн.,1998. – Т.2: М-Я. – 446 с.
4. Кан-Алтын. // Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. – Новосибирск, 1997. – С. 296-553. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).
5. Каташев С.М. Алтайский героический эпос // Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. – Новосибирск, 1997. – С. 11-46.

6. Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Новосибирск, 2005. 1381 с.

7. Молодец Алсуудар Мэргэн // Фольклор Курумчинской долины. – Улан-Удэ, 1999 – С. 45-60.

8. Николаева Н.Н. Отрицательные женские персонажи в героическом эпосе бурят: функции, семантика и поэтика. Улан-Удэ, 2008. 105 с.

9. Очи-Бала. // Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. – Новосибирск, 1997. – С. 83-295. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).